

Для цитирования: Фурсов К. К. Дискурс вражды масс-медиа: процесс формирования и структура теории // Социум и власть. 2018. № 5 (73). С. 46—56.

УДК 167.7-81'42-392.77

ДИСКУРС ВРАЖДЫ МАСС-МЕДИА: ПРОЦЕСС ФОРМИРОВАНИЯ И СТРУКТУРА ТЕОРИИ

Фурсов Кирилл Константинович,

Институт философии и права
Уральского отделения
Российской академии наук, аспирант.
Российская Федерация, 62363,
Оренбургская обл., г. Новотроицк,
ул. Советская 109.
E-mail: biathlon91@mail.ru

Аннотация

В данной статье даётся определение «дискурса вражды» масс-медиа и описывается универсальная структура данной теории. В основе «дискурса вражды» лежат определения вражды, которые формируются из трёх подходов: агонального, аксиологического и теории межгрупповых отношений. Основой формирования теории «дискурса вражды» масс-медиа стали теории «языка вражды», «образа врага», дискурс ингрупп и аутгрупп, интолерантный и агональный дискурс. Доминирование метода дискурс-анализа привело к формированию универсального понятия «дискурс вражды» масс-медиа. Важными чертами «дискурса вражды» масс-медиа является речевая агрессия и эмоциональность.

Ключевые понятия:
дискурс вражды,
масс-медиа,
образ врага,
агональный,
аксиологический.

Появление понятия «дискурс вражды масс-медиа» обусловлено несколькими причинами. Из сферы практической политики актуальность этого понятия связана с нарастанием атмосферы напряжённости и раскручивания конфликтов. В области политической науки давно сложилось представление о том, что информация стала ресурсом власти. Для описания подобного подхода было введено первое научное понятие — информационная война. Это понятие концентрировалось на описании технологий информационного воздействия. Расширение областей и методов исследований подобного явления привело к появлению новых понятий — языка вражды, образа врага, дискурса ингрупп и аутгрупп. Различные понятия и описываемые ими сущности описывают близкие друг к другу объекты. Поэтому появилась потребность в выработке универсального понятия. Возросла доля исследований, которые используют принцип «свой — чужой». В методологической области дискурсивный метод анализа превратился из инновационного в стандартный метод анализа научных исследований, он стал господствующим. Этим обусловлено появление понятия «дискурс вражды» масс-медиа. Ввиду возможности появления универсального понятия дискурса вражды масс-медиа, возможно обозначение единых принципов и выработка общей структуры этого понятия.

Принцип «своего — чужого» объединяет такие теоретические модели, как язык вражды, «образ врага», дискурс ингруппы и аутгруппы, агональный и интолерантный дискурс. Сущностью данных моделей является отношение враждебности сторон. Для понимания дискурса вражды масс-медиа требуется дать определение понятию вражды. История философии этого понятия позволяет показать то, какие сформировались подходы к определению данного понятия и показать путь выработки принципа «свой — чужой». В истории философии выработалось три подхода к понятию вражды: агональный, аксиологический и теории межгрупповых отношений. Определение понятия вражды позволяет сконцентрироваться на сущности понятия дискурса вражды масс-медиа.

Агональный подход к враждебности определяет её как войну, борьбу с врагами. Отличительной спецификой агонального подхода к вражде является акцентирование на форме процесса — борьбе. Подход концентрируется на описании борьбы, её формах и участниках. Агональный подход

сделал большой шаг от констатации принадлежности вражды к античному космосу до понимания правила вражды, в котором разрыв тесных социальных связей ведёт к страстной форме вражды. Основателями агонального подхода к вражде можно считать Гераклита и Эмпедокла. Этому подходу уделили внимание Платон, Т. Гоббс, Д. Локк, Г. Гегель, К. Маркс, Г. Зиммель. Эти авторы уделили особое внимание борьбе, войне. Т. Гоббс назвал вражду сущностью конфликта: «Если воля двух различных людей производит действия, враждебные друг другу, то это называется конфликтом» [1, с. 507]. В философии марксизма вражда нашла своё выражение в понятии классовой борьбы. Г. Зиммель выявил закономерность вражды: чем сильнее единство и социальное родство между социально-политическими субъектами, тем сильнее страсть и радикализм [6].

Следующим подходом к вражде является аксиологический подход. В основе этого подхода лежит описание вражды с позиции ценностных категорий — морали и нравственности. Решением проблем морали и нравственности занимаются этика и теология. Особенностью аксиологического подхода является зависимость вражды от человеческих пороков и страстей; осуждающий характер этих отношений; представление моделей исправления вражды. Аксиологическому подходу уделили внимание Платон, Аристотель, Аврелий Августин, Н. Макиавелли, И. Кант, Н. Ф. Фёдоров. Синонимом вражды становится ненависть. Данное понимание вражды сопровождается отвращением — желанием удалиться от присутствующего объекта. Вражда выражается в использовании клеветы. Мораль и нравственность вражды выражается в порочности человека, бездушие, использование арсенала средств раздора и смуты. И. Кант считал выражением вражды пороки культуры — злорадство, зависть, неблагодарность, человеконенавистничество [8]. Этика — наука о морали, требующая оценки поведения людей. Подавляющее большинство относилось к вражде, как антигуманному действию. Исправить эту человеческую природу предлагалось использованием человеком разума, большей добродетелью. Распад общества на враждебные личности приводит к утрате сознания. Основным итогом становится утрата знания и мудрости, как всеобщего знания.

Третьим подходом к вражде, который появился после двух остальных, стал подход теории межгрупповых отношений. В его основе главным качеством выступает обозначение диспозиции двух сторон — ин-

группы (своих) и аутгруппы (чужих), которые находятся друг с другом во враждебном отношении. Базовым фундаментом этой теории является наличие противников. В рамках этого подхода авторы обращались к позициям как агонального, так и аксиологического подхода к вражде. Данный подход показали И. Кант, Ф. Ницше, Ф. Шмитт. Первым сформулировал понимание вражды в рамках теории межгрупповых отношений И. Кант. В рамках его этического учения были сформированы категории, которые использовались в теории межгрупповых отношений: «мы», «другие», «чужие». Он заложил принцип сравнительного себялюбия — сравнение себя с другими, стремление добиваться собственной ценности во мнении других, желание превосходства над другими [8]. Этот принцип можно считать первоосновой формирования вражды в рамках концепции межгрупповых отношений. Ф. Ницше предложил синонимом вражды понятие «ressentiment». Ф. Ницше выделил мораль господ и мораль рабов. Основной ценностью морали рабов становится «нет» всему внешнему. «Мораль рабов всегда нуждается для своего возникновения, прежде всего в противостоящем и внешнем мире, нуждается, говоря физиологическим языком, во внешних раздражениях, чтобы вообще действовать, — её акция в корне является реакцией» [12, С. 10]. При морали господ человек испытывает уважение к своему врагу, в условиях ressentiment основное творчество человека заключает в себе формирование образа злого врага. К. Шмитт считал политикой разделение сторон на друзей и врагов. Смысл вражды у К. Шмитта в отрицании чужого бытия. Вражда друзей и врагов у К. Шмитта выражается в крайней форме войны [23].

Последовательное развитие понимания вражды в истории философии привело к формулированию принципа «свой» — «чужой». Появление понятия «вражда» в научном смысле связано с коммуникативными исследованиями американских учёных М. Митсуды (1993) и К. Клэя (1997). Именно они сформулировали понятие «hate speech» — «язык вражды». Заимствованное понятие получило развитие в отечественной науке и превратилось в теоретическую модель «языка вражды». Данной теории посвятили свои работы А. В. Гладилин, А. В. Евстафьева, Г. Кожевникова, О. С. Коробкова, Е. П. Соколова. У А. В. Евстафьевой язык вражды понимается как негативистская оценочная лексика к этническим, религиозным, половым

особенностям личности или убеждениям человека [5]. Примерно так же его понимает Е. П. Соколова. Это словесная дискриминация, речевая агрессия к различным социальным и этническим группам [18]. О. С. Коробкова определяет язык вражды в качестве лингвистического выражения интолерантности или проявления социального неравенства [10].

Теория языка вражды опиралась прежде всего на устойчивые коммуникативные конструкции. Это проявляется в модели «адресат — адресант». Используются языковые формулы в виде «мы враждуем с вами». Теория языка вражды выделяет различные коммуникативные стратегии, показывающие направленность языка вражды. Язык вражды связан с дискурс-анализом того материала, который выпускают масс-медиа. В основе анализа масс-медиа лежат сообщения этнического и религиозного характера. Используются специальные термины, обозначающие негативные этнические понятия, — этнофолизы. Для анализа сообщений используется инструментальный дискурс-анализ. Применяются качественные и количественные характеристики. Язык вражды ставит своей целью дискриминацию различных социальных групп, отказ им в праве в человеческом статусе. Недостатком данной теории является неопределённость критериев языка вражды. Различные авторы предлагают многочисленные виды языка вражды, которые вступают с собой в противоречия. Анализ сообщений в основном представлял сообщения в газетах и видео на телевидении.

Дальнейшее развитие теории было связано с концептом «образа врага», получившим распространение после публикации работы И. Нойманна «Использование Другого» [13]. Основной теории «образа врага» является антитеза «свои — чужие», в основе которой лежит принцип инаковости и чужеродности. «Образ врага» концентрируется на описании субъектов враждебных отношений. Теория «образа врага» имеет несколько положений. Образ врага является конструируемым масс-медиа. Основная функция «образа врага» заключается в консолидации общества на основе групповой идентичности ингруппы. «Образ врага» усиливается в условиях мобилизационного общества. Политические субъекты и институты используют «образ врага» для перенаправления внимания с внутренних проблем на внешние проблемы. Актуализация «образа врага» происходит в период социальных напряжений. Из периферии в

центр общественного внимания выводятся мифологические стереотипные представления массового сознания. Посредством языковых средств формируются границы ингрупп и аутгрупп. Закрытость группы позволяет определить критерии ингруппы и аутгруппы. Обычно формирование аутгруппы связано с непредсказуемостью, неопределённостью врага, его асоциальной силой.

Проблематике образа врага уделяется значительное внимание в работах И. Ноймана, Л. П. Репина, А. С. Сенявского, Е. С. Сенявской, М. А. Фадеичевой, С. Акопова и Е. Прошиной, Е. С. Храбровой. И. Нойман рассматривает «образ другого» с позиции нескольких подходов. К таким подходам относятся этнографический, психологический подходы, подход континентальной философии и «восточного экскурса». Этнографический подход рассматривал отношения идентичности «я» и «другого», а также маркеры границ между различными этническими группами. Психологический подход подразумевает отношения в рамках групповой психологии ингрупп и аутгрупп. Подход континентальной философии определяется марксистской диалектикой и диалогическим подходом М. Бахтина к идентичностям «я» и «другого». К «восточному экскурсу» можно отнести переработку работ Г. Зиммеля, К. Шмитта, Ф. Ницше. В этих работах обозначение «другого» совмещается с принципом «чужого» и врага, а также дискурсивным подходом, выработанным М. Фуко [13]. Анализируя различные работы, И. Нойман сосредотачивается на национальной идентичности. К таким же выводам в образе «другого» приходит Л. П. Репина. Она сосредотачивается на национальном характере, национальных стереотипах, этнический стереотип формулирует установку на эмоционально-ценностное восприятие «другого» и «врага» [15].

Существенной работой по описанию образа врага можно назвать идентификацию И. А. Денисова этого образа в коммуникации [3, с. 121]. Он выделил 12 существенных признаков образа врага: 1) наличие оппозиции «мы — они»; 2) акцентирование отличий через стереотипы и дегуманизацию; 3) деструктивная принадлежность злу; 4) угроза; 5) возложение вины на врага за негативные аспекты прошлого; 6) ложность идеологии, верований, целей врага; 7) противопоставление образу героя; 8) наличие жертвы врага; 9) сюжет предательства через агентов врага; 10) персонифицированный образ агентов врага; 11) негативные эмоции страха, ненависти, гнева; 12) сила врага как

способность к деструктивной деятельности в настоящем и будущем, возможность нести угрозу.

На формирование образа врага влияют стереотипы и установки, присущие массовому сознанию. Образы и стереотипы зависят от исторических условий. У каждой социальной и политической группы есть свои образы, которые возникают с её появлением. Для групп свободный выбор образа ограничен, их образ зависит от истории. Образы и стереотипы могут передаваться из поколения в поколение, меняться от эпохи к эпохе, исчезать и возрождаться вновь. Дискурсивной особенностью «образа врага» является оценочная характеристика представителя конкретной социальной и политической группы. Выделяются два типа мнений о враге. Массовое мнение является аморфным, разнородным, опирается на массовые взгляды и традиционные элементы идентификации. Вторым мнением является заинтересованное и рационализированное мнение политических элит.

Теория «образа врага» разделяет понятия врага и образа. Враг — это объективная данность, а образ — это отражение аксиологических и эстетических элементов мироощущения субъекта. Теории «образа врага» сосредотачиваются на причинах и основаниях формирования подобного образа, на том, какими функциями обладает этот образ. Исследователи сосредотачиваются на двух функциях: массовой мобилизации и переносе внимания. Образ врага включает три объекта: национальные и религиозные группы, международные отношения государств. Одним из источников «образа врага» становятся масс-медиа.

В конце 1990-х — начале 2000-х гг. новацией в исследовании вражды стал дискурсивный подход. Это привело к формированию теорий дискурса ингрупп и аутгрупп, интолерантного и агонального дискурса. Большой вклад в выработку дискурсивного подхода в науке внёс Т. А. ван Дейк. Его рассмотрение дискурса ингрупп и аутгрупп является системным. Был выработан метод критического дискурс-анализа. Объектом исследования голландского учёного выступил расистский дискурс. Расистский дискурс используется масс-медиа. Для анализа подобной области был выработан концепт медиадискурса. Т. А. ван Дейк выделил разницу ингрупп (наших) и аутгрупп (других). В данной ситуации используется дискурсивная стратегия противопоставления ингруппы и аутгруппы, ингруппа восхваляется, а аутгруппа принижается [2, с. 129—134]. По-

ложительная самопрезентация использует семантические и риторические стратегии, негативная презентация аутгруппы достигается через аргументацию и конкретные истории. Эти истории используют личный опыт, легитимируют новостные сообщения.

Т. А. ван Дейк обратил внимание на лингвистические особенности дискурса ингрупп и аутгрупп. Голландский исследователь для дополнения дискурса расизма приводит пример из книги Д. Суза «Конец расизма». Стратегии расистского дискурса выражаются через риторические средства гипербол и метафор, преувеличивая репрезентацию социальных проблем в терминах болезни. Также делается акцент на контрасте цивилизованных людей и варваров. Аргументируется ущербность чёрной культуры отрицанием негативных черт белой культуры (расизм), риторические преуменьшаются её преступления, происходит превращения колониализма и рабства в эвфемизм. Делается семантическое смещение объекта обвинения (обвинение жертвы). Используются такие тактики, как поляризация, дискурсивное закрепление и воспроизведение принижения, демонизации, исключения «других» из нашего сообщества цивилизованных.

Развитие теории дискурса ингрупп и аутгрупп привело к изменению подходу в области вражды по сравнению с теориями языка вражды и образа врага. Дискурс сосредоточился в целом на сфере масс-медиа. Основной областью исследований вражды стали расовые группы и их идентичность. Методом анализа масс-медиа стал критический дискурс-анализ, который в предыдущих теоретических схемах не использовался. Этот метод позволяет определить доминирование ингруппы в дискурсе масс-медиа. Но при этом дискурс ингрупп и аутгрупп использует коммуникативные стратегии, которые демонстрируют цели вражды, как и в теории языка вражды. Использование лингвистических средств в этих теориях делает общим элементом теорий языка вражды, образа врага, дискурса ингрупп и аутгрупп.

Продолжением теории языка вражды и использования метода дискурс-анализа стала появление теории интолерантного дискурса. Общим объектом для интолерантного дискурса являются враждебные отношения между социальными и политическими группами, выраженными в языке и тексте. Научное исследование понятия интолерантность началось в 1995 г. Интолерантность связана с теорией языка вражды из-за выделения количественных параметров интолерантности масс-медиа на основе анализа

языка вражды. В процессе трансформации теории происходит постепенный переход от языка вражды к интолерантному дискурсу. Проблеме интолерантности посвящены работы Э. Понарина, Д. Дубовского, А. Толкачёва, Р. Акифьева, И. В. Коноваленко. Для формирования интолерантного дискурса были применены количественные характеристики анализа языка вражды. Интолерантный дискурс зависит от номинации аутгруппы: её обозначения, характеристики, интерпретации её действий. Методология анализа включает несколько этапов. Первый этап включает проблему репрезентации аутгруппы. Она включает поиск аутгруппы — определением того, кто они. Также происходит самоидентификация аутгруппы. На втором этапе выясняется система убеждений об аутгруппе, стратегия отношения к аутгруппе, способы взаимодействия с аутгруппой через призму интолерантности. В рамках такой методики интолерантность определяется, как неравноправие ингруппы и аутгруппы. На третьем этапе происходит оценка текста по критериям интолерантности. К таким критериям относятся насилие, угроза, дискриминация, сниженная лексика, тактика проблематизации и обобщения, метонимия, негатив аутгруппы [14].

В некоторых случаях интолерантность определяется как агрессивное речевое поведение. Под интолерантным дискурсом подразумевается агрессивный и конфликтный дискурс. В области масс-медиа под интолерантным дискурсом понимается использование агрессивных техник и стратегий. Е. Ю. Кольцова и Е. Е. Таратута обозначали под интолерантностью учёт только своих интересов, нетерпимость и борьбу с другими точками зрения насильственными методами [9]. Интолерантность можно выявить с помощью смысловых индикаторов. Признаком интолерантного дискурса является поляризованное иерархическое деление. Признаки содержат положительные и отрицательные характеристики группы. Также к интолерантному дискурсу относятся побудительные конструкции — призывы к насилию и т. п. Интолерантный дискурс использует описание ингрупп и аутгрупп, ингруппа выступает в качестве эталона, аутгруппа описывается с позиции отклонения от нормы. Лексические и синтаксические маркеры могут быть дополнительными указателями интолерантного дискурса. Такими характеристиками являются отсутствие или минимальное присутствие вероятностной модальности («возможно», «скорее всего»). Отсутствуют или присутствуют в минималь-

ном количестве уступительные конструкции («хотя», «тем не менее», «несмотря на то, что...»). Многочисленны обличительные и разоблачительные конструкции: «якобы», «дескать», кавычки. Часты категоричные суждения без оговорок. Используются собирательные существительные и метонимия для аутгруппы, глаголы конкуренции, войны, борьбы. Применяется экспрессивная метафорика, в т. ч. животная в адрес аутгруппы. Часто используется оскорбительная лексика, нейтральным словам придаётся негативная коннотация.

Дискурс интолерантности стал прямым продолжением языка вражды. В основе анализа этой теории лежит дискурс-анализ текста. Дискурс интолерантности вынужден выделять критерии типов дискурса тем же способом, которым пользуется теория языка вражды. Дискурс интолерантности сосредоточился на дихотомии групп «ингруппа — аутгруппа». Важным выводом теории интолерантного дискурса является главенствующая роль содержательной стороны, лингвистические и синтаксические элементы являются дополнением. Интолерантный дискурс выделил структурные критерии — наличие поляризованного иерархического деления для интолерантного дискурса. В дискурсе интолерантности имеет большое значение недоброжелательное отношение между социальными и политическими группами.

Агональный дискурс продолжает развитие теорий дискурса вражды. Агональный дискурс объединяет с «дискурсом вражды» использование критериев противостояния, категории врагов, а также применение агрессии и насилия. Е. И. Шейгал и В. В. Дешёвова в работе «Агональность в коммуникации: структура понятия» системно описывается понятие агонального дискурса [22]. Данная работа заложила подходы под определение агонального дискурса и его классификацию. Понятие агональности обозначает борьбу противоположных сторон за власть до победного конца. Дискурс агональности затрагивает состояние коммуникации, в котором общение имеет доминирующий характер. Агональность предполагает активную деятельность сторон, присутствие эмоций и удачи, амбиции и амбициозность участников, театральность представления, применение агрессии и насилия. Обращает внимание также результат агональности: победа, поражение, компромисс. Дискурс агональности делится на конфронтативный, дискуссионный, игровой. Коммуникативной интенцией конфронта-

тивного дискурса агональности является «фатическая» интенция — выброс негативных эмоций, эмоциональная разрядка, «выяснение отношений», а также предполагает публичный скандал — нанесение ущерба сопернику, понижение его статуса. При общении проявляются признаки вербальной агрессии. Коммуникативной интенцией дискурса дискуссионной агональности является достижение истины в споре. Победа в споре воспринимается как торжество истины. К такому типу относятся парламентские и президентские дебаты, судебные споры. Коммуникативной интенцией дискурса игровой агональности является развлекательность.

Теория агонального дискурса сосредотачивается на публичной коммуникации, выводя масс-медиа из непосредственного анализа. Взгляд на процесс вражды больше рассматривается как борьба между противоположными категориями. Другие теории описывали вражду как одномоментный статический процесс. Также агональный дискурс отличается от других теорий нацеленностью на результат. Важным является деление агональной коммуникации на три типа. Деление типов коммуникации определяется интенцией дискурса. Теоретической основой вражды в агональном дискурсе ограничивается фатической интенцией. Другие теории находят больше мотивов для враждебной коммуникации, чем теория агонального дискурса.

Развитие различных теорий дискурса, а также постановка проблемы враждебной коммуникации привели к формулированию понятия дискурс вражды. Первым это определение сформулировали представители уральской школы политического дискурса Л. М. Ермакова, В. М. Мишланов, В. М. Салимовский. С позиции уральской политической школы «дискурс враждебности» определялся как «выражающий враждебное отношение одних людей к другим и/или в соответствии со своей целеустановкой воплощает психологические причины враждебности и поэтому закономерно вызывает её» [11]. Не противоречит этому определению и М. А. Фадеичева: «Дискурс вражды — специфический, проникнутый неприязнью и ненавистью способ означивания и интерпретации “чужого”» [19]. Эмоциональность является важной чертой вражды. Поэтому, используя психологическую специфику, было выработано собственное определение «дискурса вражды» — это такой дискурс, который выражает желание причинить вред тому, кто воспринимается

как враг или выражает психологические причины враждебности.

За основу дискурса вражды при его рассмотрении были выбраны теории языка вражды, образ врага, дискурс ингрупп и аутгрупп, а также интолерантный и агональный дискурс. Критерием выбора этих теорий являлось наличие объекта враждебных отношений. Эти теории должны затрагивать область коммуникации — выражаться в анализе текстов масс-медиа или каких-либо коммуникативных жанров. Отношения должны касаться противостояния и противоборства групп, противоположных сторон. Дополнительным критерием отбора являлось наличие лингвистических и синтаксических средств использования в рамках такой коммуникации.

Структурный анализ элементов «дискурса вражды» масс-медиа

Враждебные отношения в сфере коммуникации оказались сосредоточены в рамках теорий «языка вражды», «образа врага», дискурса ингрупп и аутгрупп, интолерантного и агонального дискурса. Враждебность является основой этих теорий. Эта форма отношений выражается в дихотомии «свой — чужой», «ингруппа — аутгруппа». Поэтому эти критерии легли в основу разработки формирования универсальной теории «дискурса вражды» масс-медиа. Как любая теория, она должна обладать своей теоретической структурой. Общей моделью теоретической структуры является дискурс публичной коммуникации. Модель дискурса публичной коммуникации позволяет сформировать «дискурс вражды» масс-медиа как теорию с общими критериями и структурой. «Дискурс вражды» масс-медиа относится по типу к дискурсу публичной коммуникации. Эта универсальная структура должна помочь в анализе элементов этого конкретного дискурса. Дискурс публичной коммуникации представляет собой знаковую деятельность, осуществляемую в публичном коммуникативном пространстве, в ходе которого реализуются взаимосвязанные функции: функция формирования властного коммуникативного ресурса; функция дизайна ментальных структур общественного сознания в соответствии с коммуникативными стратегиями. Дискурс публичной коммуникации опирается на публичные выступления. В сфере политики публичное выступление реализуется через живую речь и тексты политических и государственных деятелей, обращенных к публике, гражданам, народу

своей страны и международной общественности [16]. У дискурса публичной коммуникации есть соответствующие принципы:

- 1) каждый дискурс публичного выступления связан с коммуникативной стратегией и интерактивной интенцией;
- 2) дискурс представляет идеи, образы, смыслы, ценностные ориентации;
- 3) дискурс несёт невидимый план в виде ментальных образований и преобразований, контекстов, подоплёки, потенциала;
- 4) дискурс несёт в себе эмоционально-энергетический заряд, обладающий социальной и властно-психологической энергетикой;
- 5) дискурс включён в культурно-историческое пространство, несёт на себе исторические стереотипы, фобии, травмы.

Дискурс публичных коммуникаций обладает шестью планами: интенциональным, актуальным, виртуальным, контекстуальным, «осадочным» и психологическим планом [16, с. 192].

Для описания планов «дискурса вражды» масс-медиа потребуются описания планов теорий «языка вражды», «образа врага», дискурса ингрупп и аутгрупп, интолерантного и агонального дискурса. Для описания структуры «дискурса вражды» масс-медиа требуется структурный анализ подобных теорий на принадлежность дискурсу публичных коммуникаций. Эти теории «языка вражды», «образа врага», теории дискурса ингрупп и аутгрупп, теории интолерантного и агонального дискурса обладают своими характеристиками, принципами, которые соотносятся со структурными планами дискурса публичной коммуникации. «Дискурс вражды» масс-медиа формируется как теоретическая модель. При описании близких к «дискурсу вражды» масс-медиа теоретических моделей были выявлены недостатки, по которым некоторые теории не обладали всеми структурными планами дискурса публичной коммуникации. Теории «языка вражды» и агонального дискурса не обладают контекстуальным и виртуальным планом.

Первым планом дискурса публичной коммуникации является интенциональный план. Интенциональный план представляет собой совокупность элементов коммуникационного проекта, который обеспечивает продвижение коммуникативного намерения от замысла к непосредственному воплощению. Элементами коммуникативного намерения являются идеи, замыслы, наме-

рения. В состав элементов стратегического планирования входят стратегические цели и задачи, тематический и сценарный план публичного выступления. Теории «языка вражды», «образа врага», дискурс ингрупп и аутгрупп, интолерантный и агональный дискурс используют несколько коммуникативных намерений. В рамках теории «языка вражды» интенциональный план включает речевую агрессию к различным социальным и этническим группам, негативистскую и оценочную лексику. Основные теоретические модели «дискурса вражды» используют суггестивную и эмоциональную интенцию — внушение борьбы с противником через речевую агрессию, выброс эмоций, оскорбление, принижение статуса соперника [9, с. 201]. В рамках стратегического планирования используются средства в виде противопоставления ингрупп и аутгрупп, формирования «образа врага». Основной коммуникативной стратегией «дискурса вражды» становится дискредитация оппонента [7, с. 60—62].

Актуальный план дискурса — процессуальный коммуникативный акт, живая дискурсивная практика, включающая применение вербальных и невербальных форм общения. Актуальный план дискурса определяет представление дискурсивного замысла и воплощение предлагаемого смысла. Продвижение «дискурса вражды» зависит от форм маркетинговой коммуникации — пропаганды, PR, рекламы и других форм. Больше всего внимания придаётся предписаным социальным статусам — идентичности по половому, возрастному, национальному, гражданскому, религиозному признакам. Особая роль в «дискурсе вражды» масс-медиа создают заголовки, которые упрощают и предвосхищают смысл передаваемых сообщений. Возбуждающее воздействие оказывают принципы интолерантности — призывы к насилию и дискриминации по национальной, религиозной или расовой принадлежности. Используются сниженная лексика, оскорбления, оценка индивидуальных действий по групповой принадлежности, негатив по отношению к аутгруппе [14]. Продвижение «дискурса вражды» в масс-медиа обеспечивается через дискредитацию. Используются прямые и косвенные способы её применения. К прямым способам дискредитации относятся обвинение, метонимический перенос, тактика жёсткого конфронтационного вопроса с определённой интонацией, многочисленными повторами. К косвенным способам дискредитации относят понижение профессиональной ком-

петенции адресата, повышение профессионального имиджа адресата, ирония, игра репликой предыдущего оратора за счёт использования омофонов [20].

Виртуальный план дискурса публичного выступления — это механизм передачи и усвоения смысла транслируемого сообщения. Центром виртуального плана выступает смысловой пакет — ценностное ядро сообщения или основной контент. Смысловой пакет есть предмет виртуального обмена между субъектами публичной коммуникации. Передача и усвоение смысла «дискурса вражды» происходит путём использования различных ментальных моделей. В рамках теории «языка вражды» используется ментальная модель речевой агрессии. Её смысл в использовании ксенофобских понятий — призывов к насилию, носящих расовый и ксенофобский характер. Эта модель использует стереотипы для изменения массового сознания аудитории. Теория «образа врага» использует модель отбора знаков для управления когнитивными структурами сознания реципиентов. Эта модель использует концептуальную метафору — ключевое понятие, переносящее значение из неизученного в понятную сферу сознания человека и общества [20]. Метафоризация закрепляет новое содержание, оказывающее эмоциональное воздействие на реципиентов для изменения политической картины мира. Формирование «образа врага» зависит от базовых схем метафорической концептуализации, которые образуют устойчивые связи с положительной и отрицательной оценкой, которая становится мощным орудием пропаганды и манипулирования. Виртуальный план теории дискурса ингрупп и аутгрупп зависит от связки «дискурс — познание». Эта связка поддерживает этнические предрассудки. Она использует страдательный залог, скрывающий ответственное лицо. Специальный тип метафоры усиливает негативное мнение об аутгруппе через эвфемизмы, скрывающие ингруппу. Ментальные репрезентации используются для расистского дискурса, который создаёт условия для замыкания расизма и его воспроизводства в различных расистских практиках. В рамках теории интолерантного дискурса кроме бессознательного и стереотипов используется модель механизма передачи этничности в массовое сознание. Он обеспечивается через конструирование этнических идей об аутгруппе, поддержку мифологии прошлого, использование интолерантной лексики [9].

Контекстуальный план «дискурса вражды» масс-медиа требует дискурс-анализа

внешних условий публичной коммуникации. В состав плана входят культурно-исторический контекст; политико-идеологический контекст; контекст места действия; контекст атмосферы; контекст основного вербального сообщения. Среди анализируемых теоретических моделей контекстуальный план присутствовал во всех теориях, кроме агонального дискурса. В теории «языка вражды» контекст определяется позицией доминирующей группы, сочетанием новостей и соединением вместе различных понятий. В теории «образа врага» контекст зависит от интерпретации знаков и символов. Для данной теории подчёркивается обязательность манипуляционного характера контекста [4]. В рамках теорий дискурса ингрупп и аутгрупп, а также интолерантного дискурса контекст указывает на различия схожего смысла. Это позволяет поддерживать доминирование определённого этнического консенсуса. При использовании интертекста — цитат, внешних ссылок — именно контекст позволяет сохранять доминирование интерпретируемого смысла ингруппы. В основе отрицательного контекста восприятия аутгруппы лежит негативный контакт и исходящая от неё угроза опасности [17, с. 9].

В основе психологического плана «дискурса вражды» все основные теоретические модели объединяет использование эмоционального отклика аудитории. Ингруппа использует речевую агрессию, культивирование коллективной ненависти. Дискриминация и ксенофобия приводят к ощущению несправедливости и фрустрации. Ответным действием становится использование насилия. В стремлении сторон происходит стремление к получению психологического превосходства. Стереотипы, предрассудки, предубеждения формируют негативный эмоциональный фон среди представителей аутгрупп. Эмоциональные компоненты затрудняют восприятию аутгруппы.

К осадочному плану публичного дискурса относят формы материального и виртуального запечатления — т. е. документальные, литературные, интернет-источники, скульптурные изображения, памятники, фразы, цитаты и крылатые выражения, запечатленные на носителях рекламной продукции. Осадочный план выражается в жанрах реализации «дискурса вражды». Это могут быть речевые формы — фразы, анекдоты, фразеологизмы, шутки. Графические и образные жанры представлены в виде образных карикатур и надписей на архитектурных зданиях. В рамках сети Интернет осадочный план представлен в виде блогов,

чатова, видеоматериалов, интернет-мемов. Смысл осадочного плана будет определяться коммуникативной интенцией «дискурса вражды».

«Дискурс вражды» обладает всеми планами дискурса публичной коммуникации. Универсальная структура дискурса публичной коммуникации позволяет сделать вывод о том, что «дискурс вражды» масс-медиа возможен как теория, обладающая всеми планами и элементами других близких теорий. Различные теории апеллируют к одному элементу интенционального плана — речевой агрессии, в рамках психологического плана — к эмоциональному восприятию аудитории, в рамках контекстуального плана — к доминированию интерпретации ингруппы через контекст при расхождении смысла. Только в виртуальном плане используются различные методы передачи и усвоения смысла «дискурса вражды» масс-медиа.

Для определения понятия вражды были выделены три подхода в истории философии. Это агональный, аксиологический подход и подход межгрупповых отношений. Эти подходы определили понимание и элементы вражды. В основе агонального подхода вражды лежит война и борьба с врагами. Аксиологический подход включает элементы этики, морали и нравственности вражды. Подход межгрупповых отношений определяет враждебные отношения между ингруппами и аутгруппами.

Основой теории «дискурса вражды» масс-медиа выступили теории «языка вражды», «образа врага», дискурса ингрупп и аутгрупп, интолерантного и агонального дискурса. Развитием теорий в этой области послужило введение в науку понятия «hate speech». Оно стало основой для формирования теории «языка вражды». Все пять теорий, описывающих враждебные отношения, обладают своей уникальностью и отличиями. Эти теории дают разные определения вражды. Все теории, описывающие враждебную коммуникацию, обладают своими недостатками. Теория «языка вражды» имеет неопределённый критериев «языка вражды», противоречия многочисленных видов этого языка. Недостатком теории «образа врага» является концентрация на функциях «образа врага», причинах и способах формирования этого образа. Теория дискурса ингрупп и аутгрупп сосредотачивается на методе дискурс-анализа сообщений масс-медиа. Метод дискурс-анализа требует судить с позиции меньшинства. Теория дискурса интолерантности является продолжением теории «языка вражды», использу-

ются различные критерии типов вражды, происходит концентрация на дихотомии «ингруппы — аутгруппы». Недостатком агонального дискурса является концентрация на публичной коммуникации и ориентация на результат — победу.

Анализ подобных теорий позволил сформулировать определение «дискурса вражды». «Дискурсом вражды» можно назвать такой дискурс, который выражает желание причинить вред тому, кто воспринимается как враг или выражает психологические причины враждебности. Близкими к теории «дискурса вражды» стали «язык вражды», «образ врага», дискурс ингрупп и аутгрупп, интолерантный и агональный дискурс. Эти теории для формирования «дискурса вражды» были проанализированы по планам дискурса публичной коммуникации. Элементами этого плана являются интенциональный, актуальный, виртуальный, контекстный, психологический и осадочный планы. Структурами плана обладают теории «образа врага», теории дискурса ингрупп и аутгрупп, интолерантного дискурса. Теории «языка вражды» и агонального дискурса не обладают контекстуальным и виртуальным планом.

Можно выделить общие структурные элементы «дискурса вражды» масс-медиа. В основе интенционального плана «дискурса вражды» масс-медиа лежит речевая агрессия, противопоставление ингрупп и аутгрупп, формирование «образа врага». В актуальном плане для продвижения этого дискурса используются социально предписанные идентичности и стратегия дискредитации оппонента. В рамках виртуального плана используются различные ментальные модели: речевая агрессия, модель концептуальных метафор, модель передачи этничности в массовое сознание. В основе контекстуального плана доминирование ингруппы обеспечивается интерпретацией смысла через контекст при его расхождении. В основе психологического плана «дискурса вражды» масс-медиа лежит эмоциональный отклик аудитории и использование стереотипов. Осадочный план выражается в жанрах реализации дискурса. Эти формы выражены в речевом и графическом виде, через жанры интернет-коммуникации.

1. Гоббс Т. Сочинения : в 2 т. Т. 1 М. : Мысль, 1989. 622 с.

2. Дейк Т. А., ван. Дискурс и власть: репрезентация доминирования в языке и

коммуникации : пер с англ. М. : ЛИБРОКОМ, 2013. 344 с.

3. Денисов Д. А. Идентификация образа врага в политической коммуникации // Вестник РРГУ. 2009. № 1. С. 113—126.

4. Дзялошинский И. М., Дзялошинская М. И. Российские СМИ: как создается образ врага : ст. разных лет. М. : Academia, 2007. 169 с.

5. Евстафьева А. В. Адресант и адресат «языка вражды» в текстах средств массовой информации // Вестник ТюмГУ. 2008. № 1. С. 125—133.

6. Зиммель Г. Человек как враг. // Социологический журнал. 1994. № 2. С. 114—119.

7. Иссерс О. С. Коммуникативные стратегии и тактики русской речи. М. : Изд-во ЛКИ, 2008. 288 с.

8. Кант И. Сочинения : в 6 т. Т. 4. Ч. 2. М. : Мысль, 1965. 478 с.

9. Кольцова Е. Ю., Таратута Е. Е. Измерение толерантности // Журнал социологии и социальной антропологии. 2003. № 4. С. 113—129.

10. Коробкова О. С. Маркеры языка вражды в номинациях этнической принадлежности: социолингвистический аспект // Известия РГПУ им. А. И. Герцена. Сер. Филология. 2011. № 111. С. 200—205.

11. Мишланов В. А., Салимовский В. А. Дискурс враждебности как социальный феномен // Язык вражды и язык согласия в социокультурном контексте современности. Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2006. С. 56—65.

12. Ницше Ф. К генеалогии морали. Сочинения : в 2 т. Т. 2. М. : Мысль, 1990. 829 с.

13. Нойманн И. Использование «Другого». Образы Востока в формировании европейских идентичностей. М. : Новое изд-во, 2004. 335 с.

14. Понарин Э., Дубровский Д., Толкачёва А., Акифьева Р. Индекс (ин)толерантности прессы // Язык вражды против общества 2007. С. 72—106.

15. Репина Л. П. «Национальный характер» и «образ Другого» // Диалог со временем. М., 2012. Вып. 39. С. 9—19.

16. Русакова О. Ф. Дискурс-анализ публичных коммуникаций // Политическая коммуникативистика: теория, методология и практика М. : Рос. ассоц. полит. науки (РАПН) : Рос. полит. энцикл. (РОССПЭН), 2012. С. 187—204.

17. Сенявская Е. С. Противники России в войнах XX века: эволюция «образа врага» в сознании армии и общества. М. : Рос. полит. энцикл. (РОССПЭН), 2006. 288 с.

18. Соколова Е. П. Агрессивные тенденции в российских СМИ как проявление осо-

бенностей политической культуры // Вестник СПбГУ. Сер. 9. 2010. № 4. С. 274—280.

19. Фадеичева М. А. Экзистенциальные основания языка вражды // Дискурс-Пи. 2015. № 1(18). С. 20—24.

20. Чес Н. А. Конструирование образа врага в метафорической картине мира в условиях информационной войны (на материале англоязычного политического дискурса) // Человеческий капитал. 2015. № 11—12 (83—84). С. 36—39.

21. Шеватлохова Е. Д. Особенности реализации стратегии создания образа врага в текстах, подлежащих рассмотрению при проведении лингвистической экспертизы по делам об экстремизме // Вестник АГУ. 2016. № 2 (177). С. 117—120.

22. Шейгал Е. И., Дешеева В. В. Агональность в коммуникации // Вестник Челябинского государственного университета. 2009. № 34 (172). Филология. Искусствоведение. Вып. 36. С. 145—148.

23. Шмитт К. Понятие политического // Вопросы социологии. 1992. № 1. С. 35—67.

References

1. Gobbs T. (1989) *Sochineniya: v 2 tomah*. T. 1. Moscow, Mysl', 622 p. [in Rus].

2. Dejk T.A., van (2013) *Diskurs i vlast': Reprezentaciya dominirovaniya v yazyke i kommunikacii*. Moscow, LIBROKOM, 344 p. [in Rus].

3. Denisov D.A. (2009) *Vestnik RRGU*, no. 1, pp. 113—126 [in Rus].

4. Dzyaloshinskij I.M., Dzyaloshinskaya M.I. (2007) *Rossijskie SMI: kak sozdaetsya obraz vraga: stat'i raznyh let*. Moscow, Academia, 169 p. [in Rus].

5. Evstaf'eva A.V. (2008) *Vestnik TyumGU*, no. 1, pp. 125—133 [in Rus].

6. Zimmel' G. (1994) *Sociologicheskij zhurnal*, no. 2, pp. 114—119 [in Rus].

7. Issers O.S. (2008) *Kommunikativnye strategii i taktiki russkoj rechi*. Moscow, Izdatel'stvo LKI, 288 p. [in Rus].

8. Kant I. (1965) *Sochineniya: v 6 tomah*. T. 4. Ch. 2 Moscow, Mysl', 478 p. [in Rus].

9. Kol'cova E.Y., Taratuta E.E. (2003) *Zhurnal sociologii i social'noj antropologii*, no. 4, pp. 113—129 [in Rus].

10. Korobkova O.S. (2011) *Izvestiya RGPU im. A.I.Gercena. Seriya Filologiya*, no. 111, pp. 200—205 [in Rus].

11. Mishlanov V.A., Salimovskij V.A. (2006) *Diskurs vrazhdebnosti kak social'nyj fenomen. Yazyk vrazhdy i yazyk soglasiya v sociokul'turnom kontekste sovremennosti*. Ekaterinburg, Izdatel'stvo Ural'skogo universiteta, pp. 56—65.

12. Nicshe F. (1990) K genealogii morali. Sochineniya: v 2 tomah. T. 2. Moscow, Mysl', 829 p. [in Rus].

13. Nojmann I. (2004) Ispol'zovanie «Drugogo». Obrazy Vostoka v formirovanii evropejskih identichnostej. Moscow, Novoe izdatel'stvo, 335 p. [in Rus].

14. Ponarin E., Dubrovskij D., Tolkachyova A., Akif'eva R. (2007) Yazyk vrazhdy protiv obshchestva, pp. 72—106 [in Rus].

15. Repina L.P. (2012) *Dialog so vremenem*, no. 39, pp. 9—19 [in Rus].

16. Rusakova O.F. (2012) Politicheskaya kommunikativistika: teoriya, metodologiya i praktika. Moscow, Rossijskaya asociaciya politicheskoy nauki (RAPN), Rossijskaya politicheskaya ehnciklopediya (ROSSPEHN), Moscow, pp. 187—204 [in Rus].

17. Senyavskaya E.S. (2006) Protivniki Rossii v vojnah XX veka: evolyuciya «obrazavruga» v soznanii armii i obshchestva. Moscow, Rossijskaya politicheskaya ehnciklopediya (ROSSPEHN), 288 p. [in Rus].

18. Fadeicheva, M.A. (2015) *Diskurs-Pi*, no. 1 (18), pp. 20—24 [in Rus].

19. Fedorov N.F. (1995) *Sobranie sochinenij*: v 4 tomah. T. 1. Moscow, Progress, 518 p. [in Rus].

20. Ches N.A. (2015) *Chelovecheskij capital*, no. 11—12 (83—84), pp. 36—39 [in Rus].

21. Shevatlohova E.D. (2016) *Vestnik AGU*, no. 2 (177), pp. 117—120 [in Rus].

22. Shejgal E.I., Deshevova V.V. (2009) *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya. Iskusstvovedenie*, no. 34 (172), pp. 145—148 [in Rus].

23. Shmitt K. (1992) *Voprosy sociologii*, no. 1, pp. 35—67 [in Rus].

For citing: Fursov K.K.

Discourse of mass media hostility: process of formation and theory structure // *Socium i vlast'*. 2018. № 5 (73). P. 46—56.

UDC 167.7-81'42-392.77

DISCOURSE OF MASS MEDIA HOSTILITY: PROCESS OF FORMATION AND THEORY STRUCTURE

Kirill K. Fursov,

Institute of Philosophy and Law,
the Russian Academy of Sciences, Ural Branch,
Post-graduate student,
The Russian Federation, 462363,
Orenburgskaya Oblast', Novotroitsk,
ulitsa Sovetskaya, 109.
E-mail: biathlon91@mail.ru

Annotation

The author gives the definition of “mass media hostility discourse” and describes the universal structure of this theory. In the basis of the “hostility discourse” there is the definition of hostility which is formed from three approaches: agonal, axiological and the theory of intergroup relations. The basis for forming the theory of “mass media hostility discourse” were the theories of “hostility language”, “enemy image”, in-group and out-group discourse, intolerant and agonal discourse. Prevalence of the discourse-analysis method resulted in forming a universal notion of “mass media hostility discourse”.

The important features of “mass media hostility discourse” are hostile rhetoric and emotiveness.

Key concepts:

hostility discourse,
mass media,
“enemy image”,
agonal,
axiological.